

политика

И.А.Суманеев
**«КОМПЛЕКС ЗОЛУШКИ»
ПОЛВЕКА СПУСТЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ ПОПУЛИЗМА
И ИХ ЭМПИРИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ**

Иван Андреевич Суманеев — аспирант факультета политических наук Европейского университета в Санкт-Петербурге. Для связи с автором: isumaneev@eu.spb.ru.

Аннотация. В последние годы тема популизма стала одной из наиболее популярных в политической науке. При этом само содержание понятия «популизм» остается предметом научных споров, что неизбежно отражается на эмпирических исследованиях, поскольку именно теоретическая рамка определяет выбор конкретных инструментов анализа. Настоящая статья призвана сыграть роль своеобразного навигатора для тех, кто планирует заняться эмпирическим изучением популизма, очертить набор концептуализаций соответствующего феномена, которые используются в настоящее время.

В статье рассмотрены три теоретических подхода к популизму — идеационный, политико-стратегический и перформативный. Кратко описав историю возникновения и содержание каждого из этих подходов, опыт их эмпирического применения, а также присущие им достоинства и недостатки, автор показывает, в исследованиях какого типа они могут быть продуктивными. По его заключению, при проведении кросс-национальных исследований или обширных количественных исследований в масштабе одной страны оптимальным является идеационный подход. В свою очередь, если речь идет об изучении популизма в Латинской Америке либо в странах, где партии слабо институционализированы, имеет смысл задействовать политико-стратегический подход. Если же в фокусе исследования находится взаимодействие популистов со СМИ или какой-то конкретный кейс, полезным может оказаться перформативный подход.

Ключевые слова: популизм, концептуализация, эмпирические исследования, идеационный подход, политико-стратегический подход, перформативный подход

Еще в конце 1960-х годов Исая Берлин сравнил популизм с туфелькой для Золушки — туфелька есть, осталось найти подходящую ей по размеру ножку. Берлин имел в виду, что понятие «популизм» все еще ждет адекватного ему содержания: все феномены, обозначаемые этим термином, *почти* подходят, однако наверняка где-то должен быть идеальный (в платоновском смысле) популизм, который впишется в него *безупречно*¹. Нельзя сказать, чтобы за прошедшие с того времени десятилетия идеальный популизм был найден, однако исследователи данного явления осознали, что туфелька может красиво выглядеть, но для путешествия по торной дороге эмпирических штудий больше подойдут прочные и удобные кроссовки. За последние 15—20 лет тема популизма действительно стала одной из самых популярных среди политологов. При этом размытость соответствующего концепта и многообразие его трактовок² скорее препятствуют, нежели способствуют тщательному и всестороннему изучению популизма.

Цель настоящей статьи — проанализировать существующие сегодня теоретические подходы к популизму с точки зрения преимуществ и недостатков их использования в эмпирических исследованиях. Массив таких подходов довольно значителен, и рассмотреть их в рамках одной работы едва ли возможно. Поэтому я сосредоточу внимание лишь на наиболее популярных из них — идеационном, политико-стратегическом и перформативном. Кратко описав историю возникновения и содержание каждого из этих подходов, опыт их эмпирического применения, а также присущие им достоинства и изъяны, я попытаюсь определить, в исследованиях какого типа они могут быть продуктивными.

Идеационный подход

Содержание и истоки. Идеационный (ideational) подход к изучению популизма был предложен голландским политологом Касом Мюдде в его классической статье «Популистский дух времени»³. О значимости этого подхода говорит уже тот факт, что статья не только относится к наиболее цитируемым работам Мюдде, уступая лишь его книге о правых популистах в Европе⁴, но и занимает первое место по числу цитирований в журнале «Правительство и оппозиция», где она была опубликована⁵.

Мюдде определяет популизм как «идеологию, в соответствии с которой общество разделено на две гомогенные антагонистические группы — „чистый народ“ и „коррупцированную элиту“ — и которая утверждает, что политика должна быть выражением общей воли (volonté générale) народа». Понятие «народ» в данном определении выступает тем, что Эрнесто Лаклау называет «пустым означающим» (empty signifier)⁶, то есть означающим без положительного дифференциального содержания. Противостояние между «народом» и «элитой», по сути, конструируется ad hoc, отражая ситуацию в данном конкретном месте (стране, регионе, обществе и т.д.). Однако популизм — идеология не в том смысле, в каком являются ею, например, социализм или либерализм. Согласно Мюдде, это идеология с тонким центром (thin-centred

¹ Alcock 1971.

² Mansbridge and Macedo 2019.

³ Mudde 2004.

⁴ <https://scholar.google.com/citations?user=0Yxem2kAAA&hl=ru&oi=ao>.

⁵ <https://www.cambridge.org/core/journals/government-and-opposition/most-cited>.

⁶ Laclau 2005.

⁷ *Mudde 2004: 544.*

ideology) — небольшим ядром, помещенным внутрь более широкого круга политических концептов⁷. Проводимое популизмом различие между народом и элитой лишено каких-либо эмпирических оснований и носит сугубо нормативный характер, будучи абсолютно моралистским и произвольным. Это значит, что представителями народа или элиты могут быть объявлены произвольно выбранные субъекты или группы людей. Особо следует отметить, что Мюдде не вкладывает в понятие «идеология» какого-либо оценочного или негативного содержания. Для него идеология — это не более чем «набор нормативных идей о природе человека и общества»⁸.

⁸ *Mudde and Kaltwasser 2017: 6.*

Популизм в трактовке Мюдде имеет две противоположности — элитизм и плюрализм. Элитизм хотя и разделяет присущее популизму манихейское видение мира, предполагает, что ввиду безнравственности самого народа его волю должна выражать именно элита. В свою очередь плюрализм в принципе отвергает представление об обществе как о чем-то гомогенном, настаивая на том, что оно состоит из множества групп и индивидов с разными интересами⁹.

⁹ *Mudde 2004: 543—544.*

Близкий к отстаиваемому Мюдде взгляд на популизм можно обнаружить в сборнике «Популизм: Его значения и национальные особенности», опубликованном еще в 1969 г. по материалам конференции в Лондонской школе экономики¹⁰. Предложив рассматривать популизм как идеологию, один из авторов сборника, социолог Дуглас Макрей, делал акцент именно на моральной его составляющей. Популисты, подчеркивал он, видят в человеке цельную личность (a complete man), что подразумевает статичность его положения, ибо тому, кто изначально свободен и совершенен, нет нужды находиться в постоянном фаустианском поиске. Отсюда, по мнению Макрея, приверженность популистов воображаемому «золотому веку», который в случае США может ассоциироваться с сообществом свободных фермеров, а в случае бывших колоний отсылать к доколониальной эпохе¹¹.

¹⁰ *Ionescu and Gellner (eds.) 1969.*

¹¹ *MacRae 1969.*

Нет сомнений, что Мюдде читал работу Макрея, однако, в какой степени он обязан ей своим подходом, сказать сложно. Если при объяснении популизма Макрей обращался к сочинениям Николая Михайловского, Жан-Жака Руссо и Иоганна-Готфрида Гердера, то интеллектуальные истоки вдохновения Мюдде, безусловно, более современны. В частности, он, судя по всему, знаком с работой Эрнесто Лаклау «Политика и идеология в марксистской теории: Капитализм, фашизм, популизм»¹², но, похоже, счел ее чересчур нормативистской и переусложненной. Видимо, именно это и побудило его сформулировать собственный подход, призванный выступить в роли того, что другой исследователь популизма, Маттиас Рудуйн, назвал наименьшим общим знаменателем¹³.

¹² *Laclau 1977.*

¹³ *Rooduijn 2013.*

Пример эмпирического исследования. Одним из наиболее ярких (и цитируемых) примеров применения идеационного подхода при эмпирическом анализе популизма является статья «Насколько попу-

¹⁴ Akkerman,
Mudde, and Zaslove
2014.

листки настроены люди?»), написанная самим Мюдде в соавторстве с Агнес Аккерман и Андреем Засловым¹⁴, где, опираясь на данные интернет-опроса, проведенного в 2011 г. в Нидерландах профессиональной опросной компанией, исследователи пытались измерить популистские настроения в стране и определить, связаны ли они с партийными предпочтениями граждан.

Выделив три типа ориентаций — популистские, плюралистские и элитистские, — авторы использовали для их измерения 14 утверждений, ответы на которые ранжировались по пятибалльной шкале Ликерта (1 — абсолютно несогласен, 5 — полностью согласен). Популистские ориентации идентифицировались и операционализировались с помощью таких утверждений, как:

- 1) политики должны следовать воле народа;
- 2) наиболее важные решения должен принимать народ, а не политики (примат «воли народа»);
- 3) политические различия между элитой и народом больше, чем различия в народе (гомогенность «народа»);
- 4) я бы хотел, чтобы меня представлял гражданин, а не профессиональный политик;
- 5) политика — это в конечном счете борьба между добром и злом (манихейский взгляд на мир).

Отдельно респондентов просили сказать, за какую партию они бы проголосовали, если бы выборы состоялись сегодня.

Факторный анализ полученных ответов продемонстрировал важность всех составляющих популистской идеологии, кроме представления о том, что политика в конечном счете является борьбой добра и зла. Казалось бы, такой исход указывает на то, что данный тезис не относится к числу имманентных для популизма и больше присущ элитизму. Однако, по мнению Мюдде и его соавторов, у него может быть и другое объяснение, а именно сложности с пониманием соответствующего утверждения нидерландскими респондентами. Дело в том, что артикуляция подобной установки характерна прежде всего для Латинской Америки, где популистские политики активно задействуют религиозно нагруженную риторику. В Нидерландах же на интерпретацию рассматриваемого утверждения вполне могли повлиять религиозные расколы в стране. В пользу этого говорят сравнительно высокие средние оценки положения о добре и зле среди всех, кроме протестантов.

Интересным результатом анализируемого исследования является эмпирическое подтверждение того, что популистские и элитистские установки не обязательно исключают друг друга (о чем свидетельствуют в том числе проведенные авторами корреляционные тесты). В частности, человек с высокими показателями по шкале популизма вполне может предпочитать профессионального политика обычному гражданину. А вот между элитизмом и плюрализмом корреляция очень низкая, ибо то, что считается благом в плюрализме (компромисс), осуждается элитистами.

Соотнеся средние значения на шкале популистских ориентаций с партийным выбором респондентов, авторы, как и следовало ожидать, обнаружили сильные положительные корреляции между популистскими предпочтениями и голосованием за популистов. Примечательно, что речь идет как о правых (Партия за свободу), так и о левых (Социалистическая партия) популистах. Вместе с тем исследование показало, что между электоратом левых и правых популистов есть существенное различие: носители популистских установок, голосующие за левых, в гораздо большей степени склонны прислушиваться к мнению других, чем поддерживающие правых. Это говорит о более инклюзивном характере левого популизма по сравнению с правым.

Достоинства и изъяны. Плюсы идеационного подхода к популизму очевидны. Во-первых, он позволяет четко отделить популистов от непопулистов. Хотя популистские высказывания можно встретить в речах самых разных политиков, в целом резкое противопоставление народа и элиты характерно именно для популистов. Во-вторых, ввиду того что таким образом понятый популизм обладает крайне ограниченным набором собственных идей и способен присоединяться к большим идеологиям, мы получаем возможность различать его оттенки (правый, левый, либертарианский и т.д. популизм). В рамках данного подхода такие партии, как Движение пяти звезд в Италии, СИРИЗА в Греции или «Vox» в Испании, предстают типологически сходными. В-третьих, идеационный подход очень хорошо операционализируется (не в последнюю очередь благодаря своей лаконичности), обеспечивая эмпирических исследователей мощным и валидным теоретическим инструментом. Наконец, этот подход подходит для изучения популизма как на уровне партий и их лидеров, так и на уровне избирателей, а значит, может использоваться при анализе соответствующего феномена и со стороны предложения (как партии становятся популистскими), и со стороны спроса (почему люди голосуют за популистов).

Высокая цитируемость статьи Мюdde помимо всего прочего связана с тем, что сформулированный в ней подход вызывает и довольно активную критику. Суммируя замечания оппонентов, можно выделить три основных недостатка идеационного взгляда на популизм.

1. Интерпретация народа в определении популизма. По мнению критиков Мюdde, однозначного понимания народа нет и в демократической теории, и исследователи популизма унаследовали у нее возникающие в связи с этим проблемы. Как подчеркивает, в частности, Гиоргос Кацамбекис, многочисленные низовые движения вроде Indignados в Испании или Occupy Wall Street в США хотя и провозглашали себя выразителями настроений большинства («Мы — 99%!»), не были гомогенными, да и не позиционировали себя в качестве таковых. Напротив, практически все наблюдатели отмечают присущее им идейное многообразие и акцентирование роли отдельных индивидов. То есть, если следовать схеме Мюdde, их нужно отнести скорее к плюралисти-

¹⁵ Katsambekis 2020.

ческому направлению, являющемуся, согласно этой схеме, противоположностью популизма¹⁵.

¹⁶ Mouffe 2018.

2. Включение морали в число ключевых элементов проводимого популистами разделения на народ и элиту. С точки зрения критиков, этот аспект не столько проясняет, сколько затемняет суть дела, ведь о морали говорят носители самых разных идеологических воззрений. Более того, по справедливому замечанию Шанталь Муфф, акцент на моральной составляющей политики характерен для многих представителей европейского политического мейнстрима, например для британских лейбористов и немецких социал-демократов¹⁶. Какой смысл тогда вводить это измерение в определение популизма?

¹⁷ Freedен 2003.

3. Квалификация популизма как идеологии с тонким центром. Как известно, данный концепт был введен в оборот Майклом Фридендом¹⁷ для описания феминизма и национализма. Согласно Фридену, идеология с тонким центром «имеет, подобно мейнстримным, четко идентифицируемую морфологию, однако весьма узкую». Например, национализм постулирует примат нации, но, в отличие от «больших» идеологий, «не предлагает схемы распределения ограниченных и важных благ»¹⁸. Между тем для популизма это уже давно не так. Правые популисты откровенно проповедуют так называемый «шовинизм социального обеспечения» (welfare chauvinism), предполагающий, что на ограниченные блага может претендовать только «народ» (из состава которого исключены как мигранты, так и иные чуждые элементы). Левые же популисты настаивают на перераспределении благ от экономических элит и компаний в пользу трудящихся и закрытии границ.

¹⁸ Ibid.: 98—100.

В связи с этим критики Мюде высказывают опасение, что использование концепта идеологии с тонким центром может привести к неверному пониманию и самого феномена популизма, и отдельных его манифестаций. Так, Мюде рассматривает трампизм как пример слияния популизма с крайне правой идеологией, видя в Дональде Трампе выразителя установок и интересов правого крыла республиканцев. Однако, как указывает Ральф Шрёдер, конкретные действия и воззрения Трампа (в частности, экономический национализм и изоляционистская внешняя политика) слабо соотносятся с ортодоксией Республиканской партии, и соответствующая интерпретация трампизма мало помогает в его осмыслении и концептуализации¹⁹.

¹⁹ Schroeder 2020.

Но, несмотря на критику, которой в последние годы подвергается идеационный подход к популизму, при проведении сравнительных эмпирических исследований предложенная Мюде теоретическая рамка представляется оптимальной. Ее достоинства, в том числе простота, а также возможность легко операционализировать концепты и выделить правых и левых популистов, в целом перевешивают недостатки.

²⁰ Weyland 2001.

Политико-стратегический подход

Содержание и истоки. Политико-стратегический подход был сформулирован в 2001 г. в статье Курта Вейланда «Уточняя спорный концепт: популизм в исследованиях латиноамериканской политики»²⁰.

Ввиду выраженной географической привязки этот подход долгое время оставался недооцененным, пока совсем недавно он не был актуализирован в связи с дискуссией между Вейландом и одним из его критиков на страницах журнала *Political Studies*²¹.

²¹ Rueda 2021;
Weyland 2021.

Объясняя, зачем понадобилось новое определение популизма, Вейланд напоминает, что, в отличие от Европы, где популизм получил распространение примерно с середины 1990-х годов²², в Латинской Америке этот термин употреблялся еще при описании послевоенных политических режимов. При этом для концептуализации использовался своеобразный кумулятивный метод, когда принадлежность того или иного режима к популистским определялась на основе довольно широкого набора индикаторов, которые, по общему мнению, отражали суть популизма (в их число, среди прочего, входили гетерогенность социальной базы, прогрессистская (developmentalist) экономическая политика и серьезные социальные гарантии).

²² Betz 1993;
Taggart 1995.

К концу 1970-х годов подобного рода «социально-экономический» подход утратил популярность, что было связано как с разочарованием в теориях модернизации и зависимости, так и с появлением политических режимов, которые отвечали лишь части выработанных ранее критериев популизма. Предложенный в качестве альтернативы «радиальный» подход, предполагавший причисление к категории популистских режимов, соответствующих хотя бы одному из таких критериев, лишь привел к концептуальным натяжкам и теоретическим проблемам в определении популизма. С выходом в 1990-е годы на авансцену латиноамериканской политики деятелей вроде Альберто Фухимори в Перу или Карлоса Менема в Аргентине ситуация еще больше усложнилась — эти два политика подходили только под критерий «персоналистский лидер, пользующийся поддержкой неорганизованных масс», что полностью лишило смысла само понятие популизма.

Полагая «социально-экономический» подход устаревшим, Вейланд переопределяет популизм в терминах политической стратегии. Сегодня такой угол зрения кажется трюизмом, но в начале века ситуация была иной. Преимущества концепта политической стратегии при идентификации популизма Вейланд видит в том, что он, во-первых, четко разграничен с прочими (такими, как стиль), а во-вторых, позволяет вычленивать тех лидеров, которые базируются на соответствующих властных возможностях (power capability) свое правление, а не используют их лишь по случаю. Для выделения политических стратегий Вейланд задействует три главные оси: (1) тип правителя (один человек / неформальная группа / формальная организация), (2) ключевые властные возможности, (3) характер отношений между правителем и его социальной базой (текущие и неструктурированные отношения / прочные неформальные связи / стабильные институционализированные связи)²³. Согласно его определению, популизм — это политическая стратегия, посредством которой персоналистский лидер добивается или осуществляет государственную власть, опираясь на прямую, непосредственную

²³ Weyland 2001:
13.

ную, неинституционализированную поддержку большого числа преиму-
²⁴ *Ibid.*: 14. щественно неорганизованных сторонников²⁴.

Отсутствие каких-либо формальных или неформальных связей с собственной социальной базой, указывает Вейланд, вынуждает популистов всячески подчеркивать свою близость к народу (что, конечно, стало существенно проще с развитием современных коммуникационных технологий)²⁵. Именно обращение к народу зачастую спасает политическую карьеру популиста, как это было в случаях Фухимори в Перу (псевдопереворот 1992 г.), Рафаэля Кальдеры в Венесуэле (угроза прибегнуть к плебисциту при конституционном конфликте) или Фернанду Колора в Бразилии (35 млн голосов на выборах на фоне обвинений в коррупции).

В принципе такая опора на неорганизованные массы не означает, что у популистов не бывает партийных организаций. Однако они обычно настолько слабы и столь плотно контролируются самим популистом, что их институционализация и какое-либо самостоятельное существование практически невозможны. Наиболее яркий пример здесь, пожалуй, Фухимори, который баллотировался от нескольких партий, в некоторых случаях самостоятельно их учреждая, но старался не связывать себя никакими обязательствами по отношению к ним и внимательно следил, чтобы ни один партиец не приобрел слишком много власти.

В 2007 г. Кеннет Робертс адаптировал предложенную Вейландом теоретическую рамку для эмпирического изучения популизма, сосредоточившись на стратегиях массовой мобилизации, которые рассматривал как основополагающую черту популизма. В его трактовке популизм — это массовая мобилизация, проводимая сверху вниз (top down) персоналистским лидером, который бросает вызов элитным группам от имени не определенного четко народа²⁶. Такая концептуализация помогает еще дальше отойти от различного рода социально-экономических переменных вроде фискальной политики, экономического контроля со стороны государства или перераспределения ресурсов. Это, в свою очередь, позволяет проводить масштабные кросс-страновые сравнения вне привязки к социально-экономическому контексту. В некоторых случаях, как будет показано ниже, именно развитие Робертсом идеи Вейланда используется при эмпирическом изучении популизма.

Пример эмпирического исследования. В качестве примера эмпирического исследования, базирующегося на политико-стратегическом подходе, можно привести статью Дэвида Дойла «Легитимность политических институтов: объяснение современного популизма в Латинской Америке»²⁷, где на основе анализа президентских выборов в 18 латиноамериканских странах в период с 1996 по 2008 г. прослеживается связь между голосованием за популистов и низким уровнем доверия к традиционным политическим институтам.

В своей операционализации популизма Дойл опирается на предложенную Робертсом версию политико-стратегического подхода, ис-

пользуя в качестве ключевых операндов такие параметры, как персоналистский характер лидерства, проводимая сверху вниз мобилизация и отношение к истеблишменту. Именно эти параметры и играют решающую роль при квалификации им спорных случаев, что порой приводит к контринтуитивным результатам. Так, из категории популистов оказываются исключены Фухимори в 2000 г., Эво Моралес в 2002 г. и Уго Чавес в 2006 г., тогда как Альваро Урибе в 2002 г., напротив, причисляется к ним.

Ключевой вывод Дойла состоит в том, что с понижением уровня доверия к традиционным институтам либеральной демократии (парламенту, политическим партиям, судебной системе), вероятность голосования за кандидата-популиста возрастает. Аналогичный эффект имеет и рост недоверия к этим институтам. В то же время на голосование за популистов влияют и другие факторы — например, уровень институционализации политических институтов (в частности, политических партий), уровень инфляции, а также, что любопытно, доля доходов от экспорта руды и топлива в ВВП страны в год до выборов.

Достоинства и изъяны. Приводя аргументы в пользу своего подхода, Вейланд особо отмечает, что его определение помогает провести четкое различие между популизмом и правым радикализмом, не нуждающемся в столь широкой социальной базе²⁸. Если правый радикализм способен много лет существовать в оппозиции, то популистский лидер в случае неудачи на выборах просто исчезает с политической сцены. Причина тому — гетерогенность и неорганизованный характер массовой поддержки, а также размытость целей и неопределенность лозунгов.

Кроме того, внимание к внутренней волатильности популистских движений и быстрым изменениям в их деятельности позволяет свести к минимуму ложноположительные заключения относительно принадлежности к популистам тех или иных партий и персон. В самом деле, в политике — в отличие от риторики, где возможны почти любые высказывания, — политик обязан делать конкретный выбор, «показывать свои истинные цвета», что обеспечивает более строгие основания для классификации.

Вместе с тем, как указывают критики²⁹, политико-стратегический подход несет на себе явный отпечаток научных интересов своего создателя, сфокусированных на Латинской Америке. Как следствие, он ставит во главу угла ярких популистских лидеров, которые действительно не опираются на институционализированные структуры в виде партий, в то время как в других регионах, например в Западной Европе, популисты прекрасно сочетаются с политическими партиями.

Другой изъян подхода Вейланда — его сосредоточенность на стремлении популистских лидеров к обретению и осуществлению государственной власти³⁰. Подобное сужение рациональности политиков неоднократно подвергалось критике³¹. Ведь кандидаты могут иметь своей целью не только избрание (office oriented), но и реализацию того или

²⁸ Weyland 2017.

²⁹ Rueda 2021: 174.

³⁰ Ibidem.

³¹ См., напр. Wittman 1983.

иногo политического курса (issue oriented). Игнорирование Вейландом этого обстоятельства неизбежно порождает вопрос: является ли ориентация на проведение определенной политики достаточным основанием для того, чтобы исключить политика из числа популистов?

Политико-стратегический подход делает акцент на изучении лидеров-популистов. Это идет вразрез с текущим мейнстримом в исследовании популизма, где главной единицей анализа выступает партия или движение, и практически полностью игнорирует роль избирателей, их идеологические предпочтения и т.д.

Наконец, по мнению критиков, известными проблемами чревата характерная для Вейланда трактовка популизма как угрозы для демократии³². Казалось бы, в подобной установке нет ничего страшного — в политической науке у нее немало сторонников (как, впрочем, и противников). Однако применительно к концептуальной рамке такое нормативистское предубеждение не безобидно и может повлиять на определение самого явления: получается, что политиков, во всем похожих на популистов, но не представляющих угрозы для демократии, нельзя классифицировать как популистов.

³² Rueda 2021: 178—179.

Перформативный подход

Содержание и истоки. Перформативный подход к изучению популизма описан в вышедшей в 2016 г. книге австралийского политолога Бенджамина Моффитта «Глобальный подъем популизма: Практики, политический стиль и представительство»³³. По состоянию на 2022 г. эта книга является самой цитируемой работой ученого.

³³ Moffitt 2016.

Моффитт трактует популизм как политический стиль, включающий в себя набор воплощенных и символически опосредованных практик (performance), используемых для производства полей власти и управления ими (to create and navigate the fields of power) в широком диапазоне сфер — от управления государством до повседневной жизни. В своей интерпретации политического стиля исследователь опирается на концепцию Роберта Харимана³⁴ (откуда им позаимствованы представления о риторике, письменном и устном языке, аргументации и соответствующем поведении), а также на заключения Франклина Анкерсмита³⁵ и Дика Пелса³⁶, подчеркивающих искусственный характер политического стиля и делающих упор на эстетическую его сторону и самопрезентацию.

³⁴ См. Hariman 1995.

³⁵ См. Ankersmit 1996, 2002.

³⁶ См. Pels 2003.

Характеризуя политический стиль популистов, Моффитт особо выделяет следующие три момента.

1. Политизация проблем через акцентирование кризиса. Согласно Моффитту, популисты политизируют проблемы, которые в ином случае могли бы не рассматриваться обществом в качестве политических. Именно это подразумевает понятие «перформативный»: популисты придают какой-либо теме, будь то миграция или экология, политическое звучание, представляя положение дел как кризисное (что может быть правдой, а может и нет), и эта тема действительно начинает восприниматься как политическая³⁷.

³⁷ Moffitt 2016: 118—137.

2. Опора на новые медиа. По мнению Моффитта, ориентация популистов на новые медиа (социальные сети) не в последнюю очередь объясняется тем, что старые — телевидение, газеты и т.д. — нередко оказываются для них недоступны. Вместе с тем подобного рода медиа идеально подходят для решения тех задач, которые ставят перед собой популисты: драматизация событий в сочетании с грубыми и оскорбительными выпадами в адрес оппонентов, столь характерная для формата социальных сетей, играет существенную роль в продвижении популистами их повестки³⁸.

³⁸ *Moffitt 2016:*
99—100.

3. Ставка на дурные манеры (*bad manners*). Объявляя элиты, в том числе политические, коррумпированными врагами народа, популисты представляют себя не политиками, а «решальщиками» конкретных проблем. При всем том политический стиль популизма, как подчеркивает Моффитт, противоположен технократическому. Если технократы опираются на экспертные оценки, используют научный язык и полагаются на рациональность, то популисты, стараясь подстроиться под «народ» (как антипод элиты), делают своей визитной карточкой нарочитое хамство и невоспитанность как в поведении, так и в текстах³⁹.

³⁹ *Ibid.:* 52.

Моффитт не скрывает, что его подход — индуктивный. Иными словами, при выделении сущностных черт популизма он опирается на кейсы, по которым в научной литературе сложился консенсус. Правомочность такого подхода признается далеко не всеми. К числу его критиков относится, в частности, один из известных исследователей популизма Лаклау⁴⁰. Отвечая на его замечания, Моффитт обращает внимание на то, что в своем анализе Лаклау полагается главным образом на старые источники (например, на упоминавшийся выше сборник под редакцией Гиты Ионеско и Эрнеста Геллнера), игнорируя множество современных случаев⁴¹. В целом же индуктивный метод видится ему наиболее продуктивным, поскольку он основан на фактах, а не на исходном теоретическом допущении.

⁴⁰ *Laclau 2005.*

⁴¹ *Moffitt 2016:* 167.

Пример эмпирического исследования. Предложенная Моффиттом теоретическая рамка использована, в частности, в статье Курта Адама Сенгала «Проявление исламофобии в австралийском парламенте: роль популизма и перформанса в „трюке с паранджой“ Полин Хэнсон»⁴², опубликованной в 2022 г. в журнале *Media International Australia* (что лишним раз подтверждает популярность перформативного подхода в медиа-исследованиях). В центре внимания автора — конкретные события, произошедшие 17 августа 2017 г. в Сенате Австралии.

⁴² *Sengul 2022.*

В этот день известная своими праворадикальными взглядами сенатор Полин Хэнсон явилась на заседание палаты в бурке, полностью покрывавшей ее лицо и тело. Поднявшись на трибуну, она скинула бурку и «от лица всего австралийского народа» потребовала объявить вне закона ношение такой одежды в стране. Аргументируя свою позицию, она ссылаясь на то, что за последнее время в Австралии было совершено три теракта и еще 13 удалось предотвратить, а бурка — ничем не

лучше балаклавы, и если банки не пускают в свои отделения людей в подобном головном уборе, то в случае бурки должны действовать те же правила. Но бурка была только поводом, позволившем Хэнсон перейти к обсуждению более широкой темы — угрозы «исламизации» Австралии и необходимости поставить заслон на пути иммиграции из исламских стран. «Нам нужно запретить иммиграцию мусульман как минимум на пять лет, чтобы обсудить влияние ислама на нашу страну, пока не стало слишком поздно», — заявила она⁴³.

⁴³ Цит. no: *Ibid.*: 9.

Сенгал квалифицирует выступление Хэнсон как яркий пример политического перформанса. В ходе своей речи Хэнсон политизировала ношение бурки, связав его с проблемой притока мусульман в Австралию. При этом, как подчеркивает Сенгал, она эксплуатировала либеральные ценности безопасности, свободы и равенства. Наградой Хэнсон за ее «трюк с паранджой» (*burqa stunt*) стали публикации практически во всех австралийских газетах и многочисленные репортажи по телевидению, в том числе за пределами страны (BBC, CNN). По оценке Сенгала, в данном случае мы имеем дело с классическим случаем стратегического использования перформанса правыми популистами с целью разжигания противоречий и привлечения внимания со стороны медиа.

Достоинства и изъяны. К очевидным достоинствам подхода Моффитта следует отнести его географическую универсальность. В самом деле, политизация проблем и позиционирование себя в качестве силы, способной их решить, характерна для популистов по всему миру — от США до Австралии, от Норвегии до Филиппин. Важно также, что перформативный подход принимает во внимание одну из ключевых черт современных популистов — их прямое обращение к народу через социальные сети. Не случайно этот подход достаточно широко применяется в исследованиях, сфокусированных на медиа и коммуникациях.

Перформативный подход объясняет и кажущееся противоречие, когда популисты представляют себя и частью народа, выразителями его законных интересов, и некоей трансцендентной по отношению к нему сущностью. Как указывает сам Моффитт, это противоречие снимается посредством дурных манер, которые сокращают дистанцию между народом и популистами, делая последних «своими» для обычной публики.

Главный недостаток перформативного подхода — сложность в операционализации, требующей как минимум серьезных знаний в других областях социальной науки, например в исследованиях медиа. И действительно, что позволяет нам с уверенностью утверждать, что популисты политизируют ту или иную проблему, каков количественный порог публикаций в социальных сетях, после которого можно говорить об ориентации на новые медиа, и т.д.? Кроме того, противопоставление популизма и технократии хотя и выглядит обоснованным в теоретическом плане, не всегда подтверждается на практике. Некоторые популистски настроенные избиратели считают необходимым ак-

⁴⁴ Akkerman, Mudde, and Zaslove 2014.

тивно привлекать экспертов и профессионалов к подготовке решений, не отдавая их на откуп политикам⁴⁴. Наконец, поскольку при перформативном подходе единицами наблюдения, по сути, выступают индивидуальные политики, использование его при сравнительном анализе сопряжено с необходимостью обработки огромного массива данных, что ограничивает его применимость в кросс-национальных исследованиях.

Таким образом, перформативный подход имеет серьезные ограничения как с дисциплинарной точки зрения (его внимание к средствам массовой информации предполагает обращение к инструментарию медиа-исследований), так и с точки зрения числа рассматриваемых случаев. Показательно, что все базирующиеся на нем работы (из тех, что мне удалось обнаружить) представляют собой либо case-study, либо анализ нескольких случаев⁴⁵.

⁴⁵ Lascoa and Curatob 2019.

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что у каждого из разобранных подходов к изучению популизма имеются как достоинства, так и недостатки. Наименьшие нарекания в плане применимости в эмпирических исследованиях, как качественных, так и количественных, вызывает идеационный подход. Политико-стратегический подход имеет выраженную географическую привязку и нуждается в уточнении в целях более четкой операционализации. Перформативный подход хорошо фиксирует такие важные черты популизма, как политизация и медиатизация различных проблем, однако требует серьезных знаний в смежных с политической наукой областях, и его использование во многом ограничено сферой медиа-исследований. Основные достоинства и недостатки рассмотренных подходов отражены в *табл. 1*.

Безусловно, выбор теоретического подхода определяется той задачей, которую ставит перед собой исследователь. Тем не менее можно высказать ряд соображений относительно того, какой из подходов к популизму будет наиболее продуктивным в той или иной ситуации. При проведении кросс-странового исследования или масштабного количественного исследования в одной стране оптимальным выглядит идеационный подход. Однако если речь идет об изучении популизма в Латинской Америке либо в странах, где партии слабо институционализированы, имеет смысл задействовать политико-стратегический подход. Если же в фокусе исследования находится взаимодействие популистов со СМИ или какой-то конкретный кейс, полезным может оказаться перформативный подход.

Библиография

Akkerman A., C.Mudde, and A.Zaslove. (2014) «How Populist Are the People? Measuring Populist Attitudes in Voters» // *Comparative Political Studies*, vol. 47, no. 9: 1324—1353. URL: https://www.researchgate.net/publication/274474453_How_Populist_Are_the_People_Measuring_Populist_Attitudes_in_Voters (accessed on 21.09.2022).

Таблица 1 Достоинства и недостатки идеационного, политико-стратегического и перформативного подходов к изучению популизма с точки зрения их применения в эмпирических исследованиях

<i>Подход</i>	<i>Достоинства</i>	<i>Недостатки</i>
Идеационный	<p>Географическая универсальность</p> <p>Дихотомическое деление на популистов и непопулистов</p> <p>Возможность различения идеологических оттенков популизма</p> <p>Сравнительная простота операционализации</p>	<p>Унаследованные у демократической теории изъяны в интерпретации народа</p> <p>Включение морали в число ключевых элементов проводимого популистами разделения на народ и элиту</p> <p>Квалификация популизма как идеологии с тонким центром</p>
Политико-стратегический	<p>Четкое разграничение популизма и правого радикализма</p> <p>Внимание к волатильности популистских движений, позволяющее свести к минимуму ложноположительные заключения относительно принадлежности к популистам тех или иных партий и лидеров</p>	<p>Ограниченная географическая применимость</p> <p>Акцент на изучении лидеров-популистов при практически полном игнорировании роли и идеологических предпочтений избирателей</p> <p>Сужение рациональности политиков</p> <p>Нормативизм</p>
Перформативный	<p>Географическая универсальность</p> <p>Особое внимание к новым медиа как одному из ключевых инструментов современных популистов</p>	<p>Сложность операционализации</p> <p>Слабая применимость в кросс-национальных исследованиях</p>

Allcock J.B. (1971) «„Populism“: A Brief Biography» // *Sociology*, vol. 5, no. 3: 371–387.

Ankersmit F. (1996) *Aesthetic Politics: Political Philosophy beyond Fact and Value*. Stanford: Stanford University Press.

Ankersmit F. (2002) *Political Representation*. Stanford: Stanford University Press.

Betz H-G. (1993) «The New Politics of Resentment: Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe» // *Comparative Politics*, vol. 25, no. 4: 413–427.

Doyle D. (2011) «The Legitimacy of Political Institutions: Explaining Contemporary Populism in Latin America» // *Comparative Political Studies*, vol. 44, no. 11: 1447–1473.

- Freeden M. (2003) *Ideology: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Hariman R. (1995) *Political Style: The Artistry of Power*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ionescu G. and E.Gellner, eds. (1969) *Populism: Its Meanings and National Characteristics*. New York: Macmillan.
- Katsambekis G. (2020) «Constructing „the People“ of Populism: a Critique of the Ideational Approach from a Discursive Perspective» // *Journal of Political Ideologies*, vol. 27, no.1: 1–22.
- Laclau E. (1977) *Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism — Fascism — Populism*. London: NLB.
- Laclau E. (2005) *On Populist Reason*. London, New York: Verso.
- Lascoa G. and N.Curatob. (2019) «Medical Populism» // *Social Science & Medicine*, vol. 15, no. 10: 1–8.
- MacRae G. (1969) «Populism as an Ideology» // Ionescu G. and E.Gellner, eds. *Populism: Its Meanings and National Characteristics*. New York: Macmillan: 153–165.
- Mansbridge J. and S.Macedo. (2019) «Populism and Democratic Theory» // *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 15: 59–77. URL: <https://www.princeton.edu/~macedo/Papers/Mansbridge%20Macedo%20Populism%20AnnRevLawSocSci%2019.pdf> (accessed on 21.09.2022).
- Moffitt B. (2016) *The Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation*. Stanford: Stanford University Press.
- Mouffe C. (2018) *For a Left Populism*. London, New York: Verso.
- Mudde C. (2004) «The Populist Zeitgeist» // *Government and Opposition*, vol. 39, no. 4: 541–563.
- Mudde C. and C.R.Kaltwasser. (2017) *Populism: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.
- Pels D. (2003) «Aesthetic Representation and Political Style: Re-balancing Identity and Difference in Media Democracy» // Corner J. and D.Pels, eds. *Media and the Restyling of Politics*. Amsterdam: Het Spinhuis: 41–66.
- Roberts K.M. (2007) «Latin America’s Populist Revival» // *SAIS Review*, vol. 27, no 1: 3–15.
- Rooduijn M. (2013) «The Nucleus of Populism: In Search of the Lowest Common Denominator» // *Government and Opposition*, vol. 49, no. 4: 572–598. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/2780129/174779_The_Nucleus_of_Populism_In_Search_of_the_Lowest_Common_Denominator.pdf (accessed on 21.09.2022).
- Rueda D. (2021) «Is Populism a Political Strategy? A Critique of an Enduring Approach» // *Political Studies*, vol. 69, no. 2: 167–184.
- Schroeder R. (2020) «The Dangerous Myth of Populism as a Thin Ideology» // *Populism*, vol. 3, no. 1: 13–28.
- Sengul K.A. (2022) «Performing Islamophobia in the Australian Parliament: The Role of Populism and Performance in Pauline Hanson’s „Burqa Stunt“» // *Media International Australia*, March: 1–14.

Taggart P. (1995) «New Populist Parties in Western Europe» // *West European Politics*, vol. 18, no. 1: 34—51.

Weyland K. (2001) «Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics» // *Comparative Politics*, vol. 34, no. 1: 1—22.

Weyland K. (2017) «Populism. A Political-Strategic Approach» // Kaltwasser C.R., P.Taggart, P.O.Espejo, and P.Ostiguy, eds. *The Oxford Handbook of Populism*. Oxford: Oxford University Press: 68—97.

Weyland K. (2021) «Populism as a Political Strategy: An Approach's Enduring — and Increasing — Advantages» // *Political Studies*, vol. 69, no. 2: 185—189.

Wittman D. (1983) «Candidate Motivation: A Synthesis of Alternative Theories» // *The American Political Science Review*, vol. 77, no. 1: 142—157.

I.A.Sumaneev
**“CINDERELLA COMPLEX”
 HALF A CENTURY LATER:
 MODERN APPROACHES
 TO THE STUDY OF POPULISM AND
 THEIR EMPIRICAL APPLICATION**

Ivan A. Sumaneev — Ph.D. Student, Department of Political Science, European University at Saint Petersburg. Email: isumaneev@eu.spb.ru.

Abstract. In recent years, the topic of populism has become one of the most popular in Political Science. At the same time, the very content of the concept of populism remains subject of scientific debates, which inevitably affects empirical studies, because it is the theoretical framework that determines the choice of specific analysis tools. The article intends to serve as a kind of navigator for those who plan to engage in an empirical study of populism, to outline the set of conceptualizations of this phenomenon that are currently used.

The article considers three theoretical approaches to populism — ideational, political-strategic, and performative. The author briefly touches upon the history and content of each of these approaches, discusses their empirical application, as well as their inherent advantages and disadvantages, after which he shows in what type of research they can be productive. According to his conclusion, ideational approach is optimal for conducting cross-national stu-

dies or extensive quantitative studies within one country. Political-strategic approach could be useful when studying populism in Latin America or in countries, where parties are poorly institutionalized. Performative approach could be a better choice if the study focuses on populist interactions with the media, or on a particular case study.

Keywords: populism, conceptualization, empirical studies, ideational approach, political-strategic approach, performative approach

References

- Akkerman A., C.Mudde, and A.Zaslove. (2014) “How Populist Are the People? Measuring Populist Attitudes in Voters” // *Comparative Political Studies*, vol. 47, no. 9: 1324–1353. URL: https://www.researchgate.net/publication/274474453_How_Populist_Are_the_People_Measuring_Populist_Attitudes_in_Voters (accessed on 21.09.2022).
- Allcock J. B. (1971) “„Populism“: A Brief Biography” // *Sociology*, vol. 5, no. 3: 371–387.
- Ankersmit F. (1996) *Aesthetic Politics: Political Philosophy beyond Fact and Value*. Stanford: Stanford University Press.
- Ankersmit F. (2002) *Political Representation*. Stanford: Stanford University Press.
- Betz H-G. (1993) “The New Politics of Resentment: Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe” // *Comparative Politics*, vol. 25, no. 4: 413–427.
- Doyle D. (2011) “The Legitimacy of Political Institutions: Explaining Contemporary Populism in Latin America” // *Comparative Political Studies*, vol. 44, no. 11: 1447–1473.
- Freedman M. (2003) *Ideology: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Hariman R. (1995) *Political Style: The Artistry of Power*. Chicago: University of Chicago Press.
- Ionescu G. and E.Gellner, eds. (1969) *Populism: Its Meanings and National Characteristics*. New York: Macmillan.
- Katsambekis G. (2020) “Constructing „the People“ of Populism: a Critique of the Ideational Approach from a Discursive Perspective” // *Journal of Political Ideologies*, vol. 27, no.1: 1–22.
- Laclau E. (1977) *Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism — Fascism — Populism*. London: NLB.
- Laclau E. (2005) *On Populist Reason*. London, New York: Verso.
- Lascoa G. and N.Curatob. (2019) “Medical Populism” // *Social Science & Medicine*, vol. 15, no. 10: 1–8.
- MacRae G. (1969) “Populism as an Ideology” // Ionescu G. and E.Gellner, eds. *Populism: Its Meanings and National Characteristics*. New York: Macmillan: 153–165.
- Mansbridge J. and S.Macedo. (2019) “Populism and Democratic Theory” // *Annual Review of Law and Social Science*, vol. 15: 59–77. URL:

<https://www.princeton.edu/~macedo/Papers/Mansbridge%20Macedo%20Populism%20AnnRevLawSocSci%2019.pdf> (accessed on 21.09.2022).

Moffitt B. (2016) *The Global Rise of Populism: Performance, Political Style, and Representation*. Stanford: Stanford University Press.

Mouffe C. (2018) *For a Left Populism*. London, New York: Verso.

Mudde C. (2004) “The Populist Zeitgeist” // *Government and Opposition*, vol. 39, no. 4: 541–563.

Mudde C. and C.R.Kaltwasser. (2017) *Populism: A Very Short Introduction*. New York: Oxford University Press.

Pels D. (2003) “Aesthetic Representation and Political Style: Re-balancing Identity and Difference in Media Democracy” // Corner J. and D.Pels, eds. *Media and the Restyling of Politics*. Amsterdam: Het Spinhuis: 41–66.

Roberts K.M. (2007) “Latin America’s Populist Revival” // *SAIS Review*, vol. 27, no 1: 3–15.

Rooduijn M. (2013) “The Nucleus of Populism: In Search of the Lowest Common Denominator” // *Government and Opposition*, vol. 49, no. 4: 572–598. URL: https://pure.uva.nl/ws/files/2780129/174779_The_Nucleus_of_Populism_In_Search_of_the_Lowest_Common_Denominator.pdf (accessed on 21.09.2022).

Rueda D. (2021) “Is Populism a Political Strategy? A Critique of an Enduring Approach” // *Political Studies*, vol. 69, no. 2: 167–184.

Schroeder R. (2020) “The Dangerous Myth of Populism as a Thin Ideology” // *Populism*, vol. 3, no. 1: 13–28.

Sengul K.A. (2022) “Performing Islamophobia in the Australian Parliament: The Role of Populism and Performance in Pauline Hanson’s „Burqa Stunt“” // *Media International Australia*, March: 1–14.

Taggart P. (1995) “New Populist Parties in Western Europe” // *West European Politics*, vol. 18, no. 1: 34–51.

Weyland K. (2001) “Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics” // *Comparative Politics*, vol. 34, no. 1: 1–22.

Weyland K. (2017) “Populism. A Political-Strategic Approach” // Kaltwasser C.R., P.Taggart, P.O.Espejo, and P.Ostiguy, eds. *The Oxford Handbook of Populism*. Oxford: Oxford University Press: 68–97.

Weyland K. (2021) “Populism as a Political Strategy: An Approach’s Enduring — and Increasing — Advantages” // *Political Studies*, vol. 69, no. 2: 185–189.

Wittman D. (1983) “Candidate Motivation: A Synthesis of Alternative Theories” // *The American Political Science Review*, vol. 77, no. 1: 142–157.